

УДК 327:355.404.6:341.222(571.6)(045)

ФРОЛОВА Екатерина Александровна –

к.и.н., кафедра истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета
680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68
328171@mail.ru

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК АКТОРЫ КОНТАКТНОСТИ И БАРЬЕРНОСТИ ГРАНИЦЫ

FAR EASTERN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS ACTORS OF CONTACT AND BARRIER BORDER

В статье проводится исследование дальневосточных субъектов РФ как акторов контактности и барьерности границы в контексте соотношения интересов России, США, КНР в пограничном пространстве Дальневосточного федерального округа. Обозначены основные направления политики КНР и США по отношению к восточным районам России. Рассмотрены основные проблемы контактности и барьерности границ с позиции реальных угроз национальной безопасности в пограничном пространстве ДФО. Автор приводит ряд предложений по функционированию границ, исходя из национальных интересов РФ.

Ключевые слова: Дальний Восток России, взаимодействие, контактность, барьерность, глобализация, интеграция, тенденция, приграничный регион

The author presents the results of the study of the Far Eastern regions of the Russian Federation as actors of contact and barrier border in the context of correlating interests of Russia, USA, and China in the border space of the Far Eastern Federal region. In the article the main directions of policy of China and USA in relation to the eastern regions of Russia are designated. The main problems of the sociability and barrier of borders from a position of real threats to the national security in boundary space of the Far Eastern federal district are considered. A number of offers on borders functioning, considering national interests of the Russian Federation are fixed.

Keywords: Russian Far East, interaction, contact, barrier, globalization, integration, trend, border region

Выбор данного ракурса рассмотрения проблемы обусловлен возрастанием геополитической и геоэкономической роли Сибири и Дальнего Востока в начале XXI в. С одной стороны, ресурсы и территориальное пространство данного региона становятся основой обеспечения социально-экономического прогресса России, оказывают существенное влияние на формирование ее будущего облика, внутреннюю и внешнюю политику. С другой – эти ресурсы превращаются в ключевой фактор определения ее азиатской политики в целом и двусторонних отношений со странами АТР.

В этот период со всей остротой

встала проблема безопасности границ, поскольку трансграничные перемещения из страны в страну социальных патологий (нелегальные миграции, наркоторговля, контрабанда, другие проявления криминала) выросли до угрожающих масштабов.

По мнению В.А. Смолякова, современный мир представляет собой взаимосвязь различных акторов, которые посредством своих взаимодействий порождают множество тенденций, которые минуют контроль наций-государств, бросая вызов суверенитету и территориальной целостности. Происходит становление другого мира, стремящегося утвердить и про-

двинуть свою автономную силу, пренебрегая традиционными нормами дипломатии [Смоляков 2011: 19-27].

Природа трансграничных рисков и угроз проистекает из советского наследия. Однако безопасность границ сегодня не означает их полную закрытость. Границы эти одновременно должны обеспечивать устойчивое развитие приграничных регионов и получение страной выгод от международного сотрудничества. В этом видится одна из центральных задач российской пограничной, а также таможенной и миграционной политики.

Соотношение контактности и барьерности границ определяется не столько многосторонними, сколько двусторонними соглашениями и договорами. Сегодня оно зачастую устанавливается в результате односторонних действий стран, вводящих ограничения или запреты на ввоз товаров, устанавливающих паспортно-визовый режим пересечения национальной границы гражданами данной и других стран, режим пребывания иностранных граждан в своей стране. Такое поведение стран объясняется усилением различий между ними, в т.ч. различий в национальных интересах. Дифференциация интересов идет быстрее, чем процесс их гармонизации.

Администрации приграничных регионов требуют усиления защитных функций границ, поскольку сила воздействия глобализации на государства оказалась мощнее, чем усилия по развитию регионального сотрудничества.

Однако при всей неоднозначности сложившейся ситуации приграничные регионы в силу своего геоэкономического положения выступают в качестве естественных «мостов» экономического сотрудничества соседних стран. При этом их развитие в наибольшей степени зависит от характера экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне, от соотношения контактных и барьерных функций границ [Вардомский, Голунов 2002: 529].

Интерес и внимание стран АТР и СВА к дальневосточным субъек-

там России стремительно растут. За минувшее десятилетие, по мнению А.Д. Богатурова, вне России сформировался устойчивый взгляд на ее сибирскую и дальневосточную часть с позиции концепции «общего достояния человечества» — достояния не только России, но и всего мира [Богатуров 2007: 94].

Китай и США проявляют особый интерес к этим территориям. Суть проблемы, требующей разрешения, заключается в том, в какую конфигурацию сложатся интересы Москвы, Пекина и Вашингтона по отношению к регионам Сибири и Дальнего Востока, будет ли эта конфигурация выстроена в интересах сотрудничества или станет основой для различных проявлений конфронтации, и каким образом грядущая трансформация бывшей периферии мировой политики, каковой сегодня является пространство Сибири и Дальнего Востока, скажется на характере международных отношений на Тихом океане и в мире в целом.

Интерес Китая к восточным районам России достаточно очевиден, он четко сформулирован, объявлен и активно проводится в жизнь. Китайское руководство заинтересовано в расширении товарной экспансии потребительских товаров на российский рынок; в разработке сырьевых запасов Дальневосточного и Байкальского регионов с последующим вывозом их в КНР и третьи страны; в развитии транспортно-логистической инфраструктуры в регионе для доставки продукции провинций севера и северо-востока Китая на европейские и азиатские рынки; переносе части производства на российскую территорию; в расширении политического и культурного влияния на соседние территории России. Экономические аспекты интересов Китая сформулированы в «Плане возрождения северо-востока КНР»¹. Прагматичный Китай намеревается привлечь все возможные ресурсы для модернизации

¹ План разработан под эгидой Госкомитета КНР по реформе и развитию и обнародован в августе 2007 г. Доступ: http://vchinaneast.xinhuanet.com/2007-08/20/content_10905015.html (проверено 20.09.2010).

промышленной базы своего северо-востока. Следствие этого – активная пропаганда в КНР идеи координации данного плана с российскими планами по развитию Дальнего Востока. При этом получение доступа к природным ресурсам Дальнего Востока и Байкальского региона Пекин рассматривает как стратегическую задачу, поскольку речь идет об удовлетворении растущих потребностей в нефте-, газо-, энерго- и гидроресурсах не только Северо-Восточного Китая, но и всей страны.

В настоящее время политика Китая в восточных районах России нацелена на решение нескольких задач.

1. Поиск новых форм и механизмов организации межрегиональной торговли, поскольку потенциал для экспорта в Китай во многих регионах иссяк, а доступ Китая к сырьевым ресурсам Дальнего Востока и Байкальского региона по-прежнему ограничен. Причем растет покупательная способность населения региона, которая удовлетворяется за счет импорта из Китая. И, как следствие, быстрыми темпами растет торговый дефицит дальневосточных регионов России в экономических связях с Китаем.

2. Завоевание позиций в сырьевых отраслях Дальнего Востока и Байкальского региона.

3. Укрепление экономического и политического влияния КНР на приграничных территориях России.

4. Рост экспорта рабочей силы и «продавливание» трансграничных проектов, особенно в сфере экологии, транспорта, пограничной инфраструктуры.

По мнению директора института ДВ РАН М.Л. Титаренко, Пекин уже не раз доказал способность к стратегическому планированию, умение медленно, маленькими шажками достигать своей цели, которая ведет к усилению позиций КНР в южной зоне Дальневосточного региона [Титаренко 2012: 78]. Это, в свою очередь, вызывает серьезную озабоченность в Токио и в Вашингтоне. Китай предлагает России объединить усилия для сдерживания деятельности США, которые оказывают давление на слабые госу-

дарства. Российско-китайская миссия, с позиций Пекина, заключается в укрощении американских имперских амбиций. А поиск совместных путей решения международных проблем с опорой на экономическую базу и на добрососедские отношения является еще одним программным пунктом указанного плана [Сидоров 2011: 95-106].

Формально Дальний Восток и Сибирь не занимают видное место в американской внешней политике. Однако это не означает отсутствие к ним интереса со стороны Вашингтона.

Будучи глобальным игроком, Соединенные Штаты пристально отслеживают ситуацию с разработкой дальневосточных ресурсов. Так как интенсивное развитие Дальнего Востока (если оно состоится) повлечет за собой усиление позиций России на Тихом океане, то это не может не отразиться на позиции США, учитывая их жизненные интересы в регионе.

По мнению дальневосточных исследователей, интерес США к Тихоокеанской России носит скорее опосредованный характер: ограничить рост влияния Китая на востоке России, предотвратить создание российско-китайского альянса, содействовать стабильности своего важнейшего партнера по региону – Японии (в т.ч. посредством обеспечения ее энергетических запросов), предотвратить возникновение угроз безопасности США и их союзников (Японии и Южной Кореи), исходящих из этого региона [Песцов 2010: 15-21, Смоляков 2010: 16-26].

Ведущий сотрудник Института США и Канады С.М. Труш отмечает, что привлечение американских инвестиций на Дальний Восток потребует от России более глубокой интеграции в структуры АТЭС. Форум АТЭС определяет в качестве стратегической цели создание к 2020 г. системы свободной торговли в Тихом океане. Если эта задача будет быстро решена, у многих российских предприятий возникнут сложности: дополнительно встанет вопрос обеспечения пограничного контроля над миграционными потоками, что создаст угрозу

национальным интересам России [Труш 2012].

«Отложенный интерес» Соединенных Штатов к ресурсам Сибири является главным препятствием к их активному взаимодействию с Россией и КНР по их освоению. В то же время Вашингтон будет активно поддерживать Токио и Сеул в их стремлении получить долю этих ресурсов, идею создания единой транспортной и трубопроводной сети Евразии, которая будет резервным источником поставки нефти и газа для США в случае непредвиденного поворота событий, в частности на Ближнем Востоке и Украине.

Поскольку одной из целей США в борьбе со своими конкурентами на мировом рынке является сдерживание их экономического роста и снижение конкурентоспособности, то США будут делать все возможное, чтобы ограничить доступ Китая к ресурсам Дальнего Востока и Байкальского региона. Пекин готов рассматривать сценарий «выдавливания» США из отдельных регионов, имеющих ключевое значение для российских интересов. В то же время Пекин настороженно относится к необходимости индустриального экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, ориентации на встраивание данных регионов в зону ускоренного развития АТР. Таким образом, в настоящее время отношения России и КНР как субъектам мирового хозяйства (субъектам трансграничного сотрудничества) присуща несбалансированность, в частности по методам управления, различной встроенности в мировой товарообмен и финансовую архитектуру, по различной ресурсно-сырьевой обеспеченности, по типу экономики, мотивам и темпам экономического роста, по уровню индустриальности и инновационному потенциалу.

К сожалению, в настоящее время отсутствует перспектива быстрой индустриализации Сибири и Дальнего Востока. Деграция регионов носит системный характер, ее преодоление в течение нескольких поколений маловероятно. По мнению В.И. Ишаева, для существенных геоэкономических сдвигов в данном регионе России

нужны прорывные, нестандартные решения. Например, предоставление региону высокой степени экономической, административной и хозяйственной самостоятельности, вплоть до придания статуса «особой идентичности» [Стратегические проблемы... 2005]. Однако в современных реалиях российского государства, стабильности его политической и деловой элиты такой путь развития Дальнего Востока может обернуться социальной катастрофой, поставить под вопрос выживаемость и самодостаточность России в ее нынешних евразийских границах. Такое решение можно реализовать только в сильной стране, находящейся в социально-политической гармонии. Поэтому в подобных условиях Россия склоняется к эволюционным способам решения проблемы развития Дальнего Востока в рамках своих приоритетов. К таким приоритетам относятся: индустриализация и совершенствование местной инфраструктуры; развитие ресурсно-сырьевой базы с ориентацией на внешние инвестиции; преодоление социальной и демографической деградации региона; поиск ниш для встраивания Дальнего Востока в «новую экономику» АТР [Сидоров 2012: 60-71].

Серьезным препятствием для укрепления позиций России в АТР является несоответствие национальных интересов (в столичной их интерпретации) и интересов ее тихоокеанских территорий. Для дальневосточных субъектов российские интересы отождествляются с их собственными проблемами и нуждами. Отсюда проистекает конфликт между центром и регионами.

Консолидированный взгляд политической элиты Дальнего Востока на взаимоотношения с внешним миром отсутствует в силу различия интересов территорий и конкуренции между ними. Тем не менее некоторые общие подходы очевидны [Ларин 2010: 177]. Развитие приграничных связей с КНР, США, Японией, КНДР и Республикой Корея рассматривается этой элитой как важная часть международных отношений РФ, как инструмент решения социально-экономических проблем приграничных территорий.

В то же время в политике упомянутых государств дальневосточники видят прямую угрозу своим интересам, прежде всего «стремление закрепить за дальневосточным регионом России сырьевую направленность». Вызывают у них озабоченность претензии отдельных стран региона на часть территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые свидетельствуют о наличии среди них соперничества в сфере влияния на отдельные территории ДВР.

На позицию властей и населения территорий влияют следующие обстоятельства.

1. Уже состоявшаяся стихийная интеграция экономик Дальнего Востока и Забайкалья с восточноазиатскими странами. Если в советское время регион был тесно привязан к Европе экономически, на 80% снабжался из других районов России и поставлял туда основную массу своей продукции, то сегодня он в той же степени полагается на соседей по Азии.

2. Мощные миграционные настроения на Востоке России. Отток населения с Дальнего Востока (1,78 млн чел. за 1991–2011 гг.) уже привел не только к существенному сокращению численности, но и к снижению качества населения. Изменились этносоциальная структура и качество трудовых ресурсов (за счет увеличения доли иностранного труда). В начале XXI в. процесс оттока населения замедлился, но не прекратился.

3. Кризис доверия к центральной власти, на котором в немалой степени основаны миграционные настроения. По мнению С.А. Сидорова, суть «новой политики по обеспечению безопасности» России в конце первого десятилетия XXI в. просматривается невнятно. Тем не менее прослеживаются несколько базовых принципов грядущей политики центральных властей в ДВР [Сидоров 2012: 60–71]:

1) сохранение за регионом статуса периферии и ресурсно-сырьевого придатка европейской России; разработка ресурсов Сибири и ДВ будет вестись в интересах Москвы и зарубежных покупателей;

2) доминирование государства в экономике региона, которая основана

на сырьевой отрасли (контролируется государственными компаниями) и предприятиях ВПК (в структуре госкорпораций);

3) противоречивое отношение к участию иностранцев в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока, особенно КНР и США. С одной стороны, две крупнейшие в АТР экономики представляют хороший ресурс для эффективной разработки и потребления этих возможностей, с другой – призрак советско-американской и советско-китайской конфронтации прочно обосновался в сознании подавляющего большинства россиян.

Следствием таких подходов является большое число планов и масса деклараций, множество рукотворных барьеров на пути кооперации и участия иностранного капитала в освоении Сибири и Дальнего Востока. Первое, что можно в полной мере реализовать, это возвращение так называемого биполярного мира, который превратился в однополярный после распада Советского Союза. Интеграция российской и китайской армий, даже простое сложение российского и китайского военных потенциалов уже превращает это образование в мощнейший блок. Если военная интеграция Китая и России осуществится, то это будет серьезный противовес существующей натовской политике.

Таким образом, анализ взаимодействия в треугольнике «Россия – КНР – США» на пространстве Сибири и Дальнего Востока приводит к выводу о существенном конфронтационном потенциале, заложенном в различии интересов и подходов сторон, хотя возможное изменение в национальных политиках на Тихом океане, в глобальной и региональной расстановке сил могут внести свои коррективы в определение интересов и позиций сторон.

Соотношение контактности и барьерности границ весьма индивидуально на различных участках государственной границы РФ, в чем проявляется специфика экономических и политических отношений России с соседями, особенности их рыночной трансформации, социальной, политической и культурной эволюции.

Проблемы контактности и барьерности границ сегодня рассматриваются с позиций реальных угроз и шансов для экономического развития. Исходя из данного положения, в основе новой государственной политики обеспечения безопасности и защиты национальных интересов в пограничном пространстве ДФО должны лежать неортодоксальные решения, например предоставление региону высокой степени экономической, административной и хозяйственной самостоятельности вплоть до придания ему статуса «особой идентичности», подобно позиции, выраженной в дэнсяопиновской формуле: «одна страна – две системы».

Кроме того, существует необходимость:

1) развития функций границ не с точки зрения контроля пространственных пределов суверенитета РФ, а с точки зрения предупреждения потенциальных угроз и получения экономических и политических выигрышей;

2) дифференцированной пограничной политики на Дальнем Востоке, на которую не будет оказывать заметное влияние участие или неучастие России и ее соседей в региональных или субрегиональных объединениях. Контактность границы в погранич-

ном пространстве ДФО должна быть приведена в соответствие со степенью совместимости сопредельных экономик, а также в соответствие с высокой контактностью границ сопредельных государств;

3) усиления контактности границ для перемещения товаров и грузов и повышение их барьерности для пересечения лицами государственной границы Российской Федерации;

4) развития институциональной контактности, компенсирующей рост барьерности границ на данном направлении. В этом отношении важную роль будет играть создание финансово-промышленных групп из предприятий и организаций соседних регионов, развитие промышленной кооперации, учреждение институтов, содействующих развитию взаимных связей, – банков, страховых компаний, информационных и консалтинговых центров и т.д. Одновременно на всех участках границы необходимо развитие сети современных пограничных переходов. Благодаря этому приграничные регионы, значение которых в экономических связях России с соседними странами увеличится, получат сбалансированную пограничную политику и устойчивые межгосударственные отношения, что будет способствовать их дальнейшему развитию.

Литература

Богатуров А.Д. 2007. Новая структура геопропространственных отношений в Центральной Евразии. – *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии*. М.: МГИМО(У). С. 69-110.

Вардомский Л.Б., Голунов С.В. 2002. *Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России*. М., Волгоград, 573 с.

Ларин В.Л. 2010. Международная конференция «Азиатско-Тихоокеанский регион – сообщество XXI века». – *Россия и АТР*, № 1. С. 177-184.

Песцов С.К. 2010. Трансграничное сотрудничество и интеграция в АТР. – *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 4. С. 15-21.

Сидоров С.А. 2011. Национальная безопасность России, Китая в контексте безопасности Японии и республики Корея. – *Право и государство: теория и практика*, № 6. С. 95-106.

Сидоров С.А. 2012. Приоритетные направления политики обеспечения национальной безопасности дальневосточных рубежей Российской Федерации. – *Современные социально-политические процессы в регионах России и мира*. Краснодар: Центр социально-политических исследований «Премьер».

Смоляков В.А. 2011. Интеграция в Европе и Восточной Азии: сравнение принципов и концептуальных подходов. – *Современные гуманитарные исследования на Дальнем Востоке*, № 2. С. 19-27.

Смоляков В.А. 2010. Регионализация Восточной Азии: формы, проблемы, перспективы. — *Современные гуманитарные исследования на Дальнем Востоке*, № 1. С. 16-26.

Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор. 2005. Хабаровск, Отделение общественных наук РАН.

Титаренко М.Л. 2012. *Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы*. М.: ИД «ФОРУМ», 544 с.

Труш С.М. 2012. Россия между Китаем и США. — *Россия и Америка в XXI веке*, № 3. Доступ: <http://www.rodon.org/polit-120410103306> (проверено: 03.05.2014).

ДУБРОВИНА Ольга Юрьевна –

к.полит.н., доцент Сибирского института международных отношений и регионоведения, координатор Национального союза политологов

630078, Россия, г. Новосибирск, ул. Ватутина, 17/1

olgadubrovina@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

THE POLITICAL MECHANISM OF REGIONAL DIMENSION OF FOREIGN POLICY OF COUNTRIES

Данная статья посвящена проблеме формирования политического механизма регионального измерения внешней политики. В ней рассмотрены понятие, структура, регулятивная составляющая политического механизма, показана важность данного вопроса для политологии и международных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика, региональное измерение внешней политики, международные связи регионов государств, регионализация, глобализация, глокализация

The article is devoted to the establishment of political mechanism of regional dimension of foreign policy. It examines the concept, structure, regulatory component of political mechanism, shows the importance of this issue for political science and international relations.

Keywords: foreign policy, regional dimension of foreign policy, international relations of regions of countries, regionalization, globalization, glocalization

Современная система международных отношений характеризуется большим разнообразием. В них участвуют международные организации, государства и регионы государств. В системе международных отношений четко просматривается многоуровневая и многовекторная структура, включающая в себя многообразие видов международных отношений, а во внешней политике государств, особенно федеративных, начинает четко прослеживаться реги-

ональное измерение, которое оказывает серьезное влияние на внешнюю политику государства в целом.

Международная практика свидетельствует о том, что регионы государств активно выходят на международную арену и это влияет на формирование внешней политики государств, которые при ее осуществлении уже не могут не учитывать мнение своих регионов. Данное явление требует постоянного наднационального, государственного и региональ-